

действия (а не любопытства для), мы действуем, познавая. Интендирование, склонность человека, вектор его потенциального внимания определяет тип понимания. И, следовательно, тип понимания зависит от типа цели.

Цель можно представить себе как идеальное представление о желаемом результате, а можно — как процесс достижения этого результата. И в этом случае цель предстает не онтологически, не как образ, а деятельностно, в глагольной форме.

При этом следует выделить три типа глаголов:

– акторные, направленные на реализацию конкретной цели (цели типа *target*) — «купить машину», «сдать экзамен», «съездить в Париж»;

– глаголы состояния, направленные на достижение более общей цели (цели типа *goal*) — «стать президентом», «быть лучшим»; эти глаголы можно также назвать организационно-акторными: они требуют не просто действий, а организации этих действий;

– модальные глаголы, выражающие не цель, а интересы («хочу»), требования («необходимо») или задание («надо», «нужно»).

Практический вывод: в коммуникации необходима фиксация, прежде всего, непонимаемого — оно является ресурсом разворачивания коммуникации, а следовательно, и ресурсом мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левинтов А.Е. От рыка к речи (штрихи к теории антропогенеза). www.redshift.com/~alevintov июнь, 2008.
2. Левинтов А.Е. Реальность и действительность истории. М.: Аграф, 2006. 384 с.
3. Лефевр В.А. Рефлексия. М.: Когито-Центр, 2003. 496 с.

РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ДИАГНОСТИКИ РЕФЛЕКСИВНОСТИ

Д.А. Леонтьев, Е.М. Лаптева, Е.Н. Осин, А.Ж. Салихова
(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва)

С тех пор как понятие о рефлексии как о внутреннем отношении сознания к самому себе было введено Дж. Локком, в философии и психологии возникло множество различных представлений о рефлексии,

рассматривающих ее феномены с разных сторон и подчеркивающих их позитивные и негативные последствия.

Наиболее ярко идея о позитивной роли рефлексии в становлении личности звучит в работах С.Л. Рубинштейна [1]. По его мнению, исходно человек существует «внутри жизни», устанавливая отношение к ее отдельным явлениям, но не к жизни в целом: будучи неспособным выйти за ее пределы, человек ведет жизнь, сравнимую с природным процессом. Возникновение рефлексии позволяет человеку прервать цепь детерминации явлениями своего жизненного мира и занять позицию по отношению к жизни; согласно С.Л. Рубинштейну, именно становление рефлексии является решающим, поворотным моментом, который дает человеку возможность сознательно строить собственную жизнь.

Присущая развитому человеческому сознанию способность к рефлексии выступает одной из ключевых предпосылок перехода от режима детерминированности к режиму самодетерминации: бытие определяет неразвитое сознание, но развитое сознание может начать со своей стороны определять бытие [2]. Рефлексия в данном случае понимается как способность произвольного обращения человеком сознания на самого себя и имеет два аспекта: механизм произвольного манипулирования идеальными содержаниями в умственном плане, основанный на переживании дистанции между своим сознанием и его интенциональным объектом [3, с. 144–145] и направленность этого процесса на самого себя как на объект рефлексии.

В то же время в психологии накоплен ряд эмпирических данных, свидетельствующих о негативных эффектах рефлексивных размышлений (*rumination*), связанных с сосредоточением на симптомах дистресса, возможных причинах и последствиях этих симптомов. Получены многочисленные эмпирические подтверждения связи рефлексивных размышлений с депрессией, дезадаптивными стилями совладания, пессимизмом, нейротизмом, а также их обратной связи с успешностью в решении задач и социальной поддержкой [4].

По нашему мнению, подобные противоречия связаны с тем, что единый термин «рефлексия» используется в разных контекстах для обозначения различных феноменов. Полному отсутствию самоконтроля, сосредоточенности лишь на внешнем интенциональном объекте деятельности (что можно обозначить термином «арефлексия») могут быть противопоставлены три качественно различных процесса: 1) *интроспекция* (самокопание), связанная с сосредоточенностью на собственном состоянии, собственных переживаниях; 2) *системная рефлексия*, связанная с самодистанцированием и взглядом на себя со стороны, позволяющая охватить одновременно полюс субъекта и полюс объекта; 3) *квазирефлексия*, направленная на объект, не имеющий

отношения к актуальной жизненной ситуации и связанная с отрывом от актуальной ситуации бытия в мире. Мы предполагаем, что из трех описанных форм рефлексии системная рефлексия является наиболее адаптивной, и именно эта форма связана с самодетерминацией.

Эмпирическому обоснованию гипотезы о существовании трех качественно специфических форм рефлексии были посвящены два исследования, в ходе которых осуществлялась разработка новой психодиагностической методики — Дифференциального теста рефлексии (ДТР).

В первом исследовании приняли участие 93 студента московских вузов (в том числе 48 мужчин и 45 женщины) в возрасте от 17–25 лет, обучающихся по специальностям: вокал, журналистика и менеджмент.

В основу Дифференциального теста рефлексии лег набор из 82 оригинальных пунктов, сгруппированных в 4 теоретически обоснованных шкалы: арефлексия (примеры утверждений: «Когда ты сосредоточен на деле, мысли только мешают», «Я не могу сидеть без дела и размышлять»), самокопание («Часто я полностью сосредоточен на своем состоянии», «Нередко я не могу отделаться от мыслей о моих текущих проблемах»), системная рефлексия («Я обычно задумываюсь о причинах того, что со мной происходит», «В случае конфликта полезно попытаться увидеть ситуацию глазами оппонента») и квазирефлексия («Я могу замечаться и забыть обо всем», «Мне нравится мысленно путешествовать по местам, где я еще не был»). Испытуемым предлагается оценить утверждения по 4-балльной шкале.

В дополнение к ДТР, испытуемые заполняли Методику определения индивидуальной меры рефлексивности А.В. Карпова и В.В. Пономарёвой, Тест смысловых ориентаций Д.А. Леонтьева и Методику исследования самооотношения С.Р. Панталева.

По данным анализа одномоментной надежности производился отбор пунктов. В результате достаточно высокую внутреннюю согласованность (альфа Кронбаха) показали три из четырех шкал ДТР: системная рефлексия (14 пунктов, $\alpha = 0,79$), самокопание (13 пунктов, $\alpha = 0,83$) и квазирефлексия (16 пунктов, $\alpha = 0,83$); шкала арефлексии показала невысокую надежность (11 пунктов, $\alpha = 0,64$).

По данным корреляционного анализа, шкала самокопания показала умеренно значимые взаимосвязи со шкалами системной рефлексии ($r = 0,47$; $p < 0,001$) и квазирефлексии ($r = 0,55$; $p < 0,001$), а также слабую обратную взаимосвязь со шкалой арефлексии ($r = -0,22$; $p < 0,05$). В дополнение к этому, шкала системной рефлексии слабо, но значимо коррелировала со шкалой квазирефлексии ($r = 0,24$; $p < 0,05$).

Гендерных различий обнаружено не было. Тенденции к более высокой системной рефлексии и более низкой арефлексии у студентов творческих специальностей, по сравнению с менеджерами, не достигли уровня значимости ($0,05 < p < 0,07$).

В соответствии с ожиданиями, обнаружались значимые корреляции со шкалой рефлексивности В.В. Пономарёвой шкалы системной рефлексии ($r = 0,62; p < 0,001$) и самокопания ($r = 0,49; p < 0,001$), а также арефлексии ($r = -0,25; p < 0,05$).

Шкалы, соответствующие всем трем формам рефлексии, показали значимые умеренные положительные корреляции со шкалами внутренней конфликтности и самообвинения опросника МИС, наиболее сильные для шкалы самокопания ($r = 0,62$ и $r = 0,56$, соответственно, $p < 0,001$) и наиболее слабые для шкалы системной рефлексии ($r = 0,35; p < 0,01$). Шкала самокопания также значимо ($p < 0,01$) отрицательно коррелировала с рядом остальных шкал МИС: открытость, самоуверенность, саморководство, отраженное самоотношение, самопривязанность. Также лишь эта шкала показала значимую отрицательную корреляцию с общим показателем осмысленности жизни по тесту СЖО ($r = -0,33; p < 0,01$). Шкала квазирефлексии отрицательно коррелировала со шкалами открытости ($r = -0,57; p < 0,001$) и саморководства ($r = -0,29; p < 0,05$) МИС.

В целом представленные данные свидетельствовали о дискриминантной и конвергентной валидности полученных шкал опросника ДТР, за исключением шкалы арефлексии. Несмотря на то, что все три вида рефлексии оказались взаимосвязаны, шкала системной рефлексии оказалась наиболее тесно связана с рефлексивностью, тогда как шкалы самокопания и квазирефлексии обнаружили связи с негативным самоотношением и низкой осмысленностью жизни.

Полученные в первом исследовании данные составили основу для другого исследования, задачей которого явилось усовершенствование опросника ДТР и изучение его взаимосвязей. Набор работающих пунктов был нами дополнен; часть пунктов, значимо коррелировавших сразу с несколькими шкалами рефлексии, были переформулированы с целью повышения дискриминантной валидности шкал.

Испытуемыми во втором исследовании выступили студенты факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, а также его филиала в г. Ташкенте. Всего в исследовании участвовало 106 чел., в том числе 85 женщин и 21 мужчина в возрасте от 17–25 лет.

Помимо доработанной версии опросника ДТР из 60 пунктов, испытуемые заполняли шкалу удовлетворенности жизнью Э. Динера в переводе Д.А. Леонтьева, шкалу субъективного счастья С. Любомирски в переводе Д.А. Леонтьева, шкалу толерантности к неопределенности MSTAT-I Д. Маклейна в адаптации Е.Г. Луковицкой, тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева, тест жизнестойкости Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой (русскоязычная адаптация опросника жизнестойкости С. Мадди), опросник «Контроль за действием» Ю. Куля в адаптации И.А. Васильева, С.А. Шапкина, Д.А. Леонтьева,

В.В. Кобанова и О.В. Митиной, а также шкалу личностной тревожности Ч. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина.

Достаточно высокую внутреннюю согласованность вновь показали лишь три из четырех шкал опросника: системная рефлексия (17 пунктов, $\alpha = 0,82$), самокопание (10 пунктов, $\alpha = 0,80$) и квазирефлексия (14 пунктов, $\alpha = 0,83$). Шкала арефлексии вновь показала низкую надежность (10 пунктов, $\alpha = 0,52$) и была исключена из рассмотрения. Данные эксплораторного факторного анализа (метод главных компонент с вращением варимакс) полностью подтвердили распределение 41 пункта по трем работающим шкалам.

Дискриминантная валидность шкал во втором варианте опросника несколько повысилась: значимые корреляции были получены только для шкалы самокопания со шкалами квазирефлексии ($r = 0,50$; $p < 0,001$) и системной рефлексии ($r = 0,32$; $p < 0,01$).

Шкалы опросника ДТР не показали значимых взаимосвязей со шкалами субъективного благополучия (счастье и удовлетворенность жизнью). Шкала системной рефлексии слабо положительно коррелировала с общим показателем осмысленности жизни по тесту СЖО ($r = 0,22$; $p < 0,05$). Шкала самокопания отрицательно коррелировала с толерантностью к неопределенности ($r = -0,62$; $p < 0,001$), шкалой принятия риска теста жизнестойкости ($r = -0,46$; $p < 0,05$), и положительно — со шкалой личностной тревожности ($r = 0,37$; $p < 0,05$). Шкала квазирефлексии отрицательно коррелировала с контролем за действием при неудаче Ю. Куля ($r = -0,48$; $p < 0,05$).

В целом данные двух исследований подтверждают существование трех качественно специфических видов рефлексии. Системная рефлексия не связана с показателями дезадаптации, однако ее адаптивную роль еще предстоит показать. Самокопание обнаруживает устойчивые взаимосвязи с показателями дезадаптации и примерно соответствует как в теоретическом, так и в эмпирическом отношении конструкту рефлексивных размышлений (*ruminations*), и должно быть тесно связано с нейротизмом. В то же время самокопание, отражающее ориентацию субъекта на собственные переживания по поводу актуальной ситуации, выступает промежуточным звеном между квазирефлексией (оперирование объектами в «идеальном поле», оторванном от актуальной ситуации) и системной рефлексией (целостным представлением субъекта-в-ситуации).

Для окончательного решения вопроса о роли каждого из трех видов рефлексии необходимы дополнительные исследования. К настоящему моменту завершается разработка третьей, окончательной версии опросника ДТР из трех шкал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.

2. *Леонтьев Д.А.* Рефлексия как предпосылка самодетерминации (в печати, 2009).
3. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла. М.: Смысл, 1999.
4. *Nolen-Hoeksema S., Wisco B.E., Lyubomirsky S.* Rethinking Rumination // *Perspectives on Psychological Science*. 2008. Vol. 3. № 5. P. 400–424.

РЕФЛЕКСИВНЫЙ ПОДХОД В ПОВЫШЕНИИ МОТИВАЦИИ НА ПОЛУЧЕНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УЧИТЕЛЕЙ-ХУДОЖНИКОВ

Н.А. Лепская

*(ГОУ ДПО Центр непрерывного художественного образования,
Москва)*

Мотивация на получение дополнительного профессионального образования имеет довольно расплывчатые ориентиры, что показывает анкетирование учителей, желающих повысить свою квалификацию. Самый распространенный и осознаваемый мотив — это желание повысить или подтвердить категорию или разряд. Следующий осознаваемый мотив — это интерес к какому-то виду художественного творчества, который учитель хотел бы освоить на более профессиональном уровне. Электронные технологии породили новые направления в деятельности художников, такие как компьютерная графика, анимация, WEB дизайн, экранная графика, видео и компьютерная фотография. Данное направление художественной профессиональной деятельности синтезирует в себе элементы технологии, науки и искусства. Все это оказывает влияние на содержание художественного образования. Педагоги-художники начинают все шире применять новые технологии в процессе обучения детей и осознавать насущную необходимость в получении системных знаний.

Повышение квалификации учителей искусства по направлению информатизации происходит как интеграция двух культур — художественной и информационной, в результате чего учитель получает современные представления о возможностях компьютерных программ в художественном образовании школьников и необходимые практические навыки работы в них. Педагоги проходят несколько этапов переосмысления целей и задач данного процесса обучения. Мотивация на обучение возрастает, если педагог выходит на уровень самодиагностики своих профессиональных качеств.

УДК 100
ББК 87.6
С 60

Рефлексивные процессы и управление. Сборник материалов VII Международного симпозиума 15–16 октября 2009 г., Москва / Под ред. В.Е. Лепского – М.: Когито-Центр, 2009. – 272 с.

ISBN 978-5-89353-299-9
УДК 100
ББК 87.6

Мировой финансово-экономический кризис остро поставил вопрос о лидерах XXI века. Времена военного и финансово-экономического механизмов установления мирового господства постепенно будут уходить в прошлое. В этом нас убеждает и бессмысленность ядерной войны, и потенциальные возможности новых высоких технологий, позволяющие малым группам эффективно противодействовать макросубъектам мирового сообщества, и общность для всех жителей планеты экологических и климатических проблем и многое другое. Образ лидеров XXI века будет определяться прежде всего их способностью гармонизировать человечество на основе рефлексии, установления взаимопонимания и справедливости, формирования планетарного мировоззрения.

Поэтому одна из ведущих тем симпозиума – обсуждение проблематики «сборки субъектов», а также нейтрализации и преодоления последствий широкого использования в мире технологий управляемого хаоса, направленных в первую очередь на формирование бессубъектности и блокирования способности к развитию. Тех, кто применяет эти технологии для собственной выгоды, ожидают катастрофические неопределенности в первую очередь по отношению к самим себе. Мир становится предельно хрупким и некоторые конфликты не переносимы им принципиально.

Постановка и решение этих проблем неразрывно связаны и с разработкой современной методологии инновационного развития, которой также на симпозиуме планируется уделить большое внимание. Следует отметить резкое возрастание роли специалистов из области философии в разработке методологического обеспечения инновационного развития России.

Сборник материалов в основном отражает планируемые выступления на секционных заседаниях и слабо отражает содержание Круглых столов и Пленарных заседаний, материалы которых будут изданы отдельно после симпозиума, а также будут частично опубликованы в журнале «Рефлексивные процессы и управление».

© Учреждение Российской академии наук Институт философии РАН